

Л.С. ОКУНЕВА

БРАЗИЛИЯ – РОССИЯ: СХОЖЕСТЬ, ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ, РАСХОЖДЕНИЯ. ПАРАДОКСЫ ФЕНОМЕНА ПЕРЕХОДНОСТИ

В статье рассмотрен вопрос о критериях и возможностях сравнительного анализа процессов политической модернизации Бразилии и России, развернувшихся там на рубеже 1980-х–1990-х гг. Речь идет об особенностях формирования гражданского общества и политической культуры на этапе радикальной трансформации политических структур (партийная система, роль политического лидерства и др.). Анализируется также характер различий в развитии обоих обществ в начале XXI в.

Ключевые слова: *Бразилия, Россия, сравнительный анализ, партийно-политическая система, харизматический лидер, гражданское общество, политическая культура.*

En el artículo se trata del problema de los criterios y posibilidades del análisis comparativo de los procesos de la modernización política de Brasil y Rusia que tuvieron lugar a finales de la década de los 80 y principios de la década de los 90 del siglo pasado. La autora ofrece el análisis de las particularidades de la formación de la sociedad civil y cultura política en la etapa de la transformación radical de las estructuras políticas (el sistema partidario, el papel del liderazgo político, etc.). El artículo estudia también el carácter de las diferencias en el desarrollo de ambas sociedades en los inicios del siglo XXI.

Palabras clave: *Brasil, Rusia, análisis comparativo, sistema partidario, líder carismático, sociedad civil, cultura política.*

In the article are considered criteria and possibilities of comparative analysis of the processes of political modernization of Brazil and Russia that unfolded there at the turn of the 1980s-1990s. The article deals with the features of the formation of civil society and political culture on the stage of a radical transformation of political structures in both countries (party system, the role of political leadership, etc.). Also the article investigates character of the differences in the development of the both countries at the beginning of the XXI century.

Key words: *Brazil, Russia, comparative analysis, party system, charismatic leader, civil society, political culture.*

В год председательствования РФ в межгосударственном объединении БРИКС наблюдается всплеск интереса к проблематике развития стран «пятерки». Усиление глобальной проекции их внешней политики, резкий рост значимости данной группировки в регулировании ключевых процессов в мировой экономике и международной политике – все это диктует необходимость исследования опыта каждой из стран БРИКС в проведении экономической и социальной модернизации, предопределяющей впечатляющий рост их потенциала и усиление их присутствия в глобальной повестке дня. В силу этого рассмотрение роли стран БРИКС на мировой арене влечет за собой обращение к исследованию их внутренних процессов. Налицо тесная взаимосвязь и взаимообусловленность траекторий экономической,

социальной и политической модернизации в каждой из стран БРИКС и ключевых аспектов их позиционирования на международной арене, взаимоувязанность модернизационных проектов с растущими глобальными устремлениями государств — членов объединения. Явным становится и осознание национальными элитами данных стран того факта, что именно внутреннее реформирование является отправной точкой успешного внешнего позиционирования, отсюда — неразрывная связь внешнеполитических стратегий с краеугольными опорами внутреннего развития.

В силу вышесказанного в новом свете предстают возможности компаративистики — сравнительного анализа тех тенденций и феноменов, которые сопровождают процессы политической и социальной модернизации, направленные на трансформацию внутренних социально-экономических и политических структур. В этом плане представляет особый интерес анализ как сходных особенностей процесса модернизации и перехода к демократическим формам правления в Бразилии и России на рубеже 1980—1990-х гг. — особенностей, предопределивших дальнейшие векторы их развития, так и возникших уже в начале XXI в. существенных различий этих векторов*.

* * *

Прорыв к модернизации, стремление к демократии — вот что объединило в глобальном плане на рубеже 1980-х — 1990-х гг. два таких разноликих государства, как Бразилия и Россия.

Но сразу же возникает логичный вопрос: а можно ли сравнивать Бразилию и Россию — столь необычные, с непохожей культурой, религией, цивилизационным обликом, — словом, абсолютно разные страны? Известная хронологическая «схожесть» (Крымская война для России [1853—1856 гг.] и Парагвайская война для Бразилии [1865—1870 гг.]; революции 1905—1917 гг. в России и движение тенентистов [1920-е гг.]; революция 1930 г. и «паулистская война» [1932 г.] в Бразилии; наконец, 1985 г. — начало перестройки в СССР и первое после военного режима гражданское правительство в Бразилии; при этом в качестве тормозящих факторов развития сравнивали еще и татаро-монгольское иго в России и колониальную эпоху в Бразилии [1, с. 18—19]) — не более чем совпадения. На деле же у двух стран различные исторические траектории, они принадлежат к разным цивилизациям. Исторически сложившаяся принадлежность Бразилии к западной цивилизации влечет за собой как соответствующую экономическую систему, так и определенную социальную ментальность.

Важное различие лежит в области межнациональных отношений. В основе формирования бразильской нации лежали своего рода «внешние факторы»: португальский, а затем сильнейший африканский компонент (оба они наложились на индейскую составляющую). Эти потоки переплавились в одну нацию, говорящую на одном языке и считающую этот язык родным, себя — бразильцами, а Бразилию — своей родиной. На территории же бывшего СССР, а также и России национальные проблемы — совсем иного свойства (хотя есть основания — на примере процессов ассимиляции русских с местным населением Сибири — говорить, что и в русском этносе шли схожие с бразильскими процессы метисации [2, с. 7]). Кроме того, формирование бразильской нации (и национального характера бразильцев) — в отличие от России — происходило в условиях неконфликтной внешней среды.

Обратимся к современному периоду. И здесь реалии вроде бы говорят не в пользу сопоставлений. Ведь характер и векторы развития обеих стран сейчас настолько не совпадают, что о сравнительном анализе говорить весьма трудно. Складывается впечатление, что Россия и Бразилия идут совершенно разными путями. Россия по историческим меркам недавно вступила на тот путь, по которому Бразилия развивается уже десятилетия, если не столетия. Россия лишь втягивается в орбиту глобализации, во многом впервые принимая на себя ее удары и издержки, а Бразилия уже пять столетий приобщена к ней, с самого начала своей

* В основу данной статьи положены материалы главы 7 монографии автора (Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.—2006 г.) — М.: МГИМО-Университет, 2008) и ее же выступления на круглом столе в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (Окунева Л.С. Расходящиеся колеи модернизации // Бразилия и Россия: различные траектории развития? // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 11, с.82—84).

истории будучи втянутой в международные экономические отношения и явив собой один из главных факторов генезиса мирового рынка и складывания капитализма в Европе.

Россия выстраивает свои отношения с иностранным капиталом, вступает на путь сотрудничества с ним, зачастую воспринимая зарубежные инвестиции как панацею от всех своих бед, тогда как Бразилия уже более века имеет опыт общения и обращения с заграничным капиталом, познав как сильные, так и «проблемные» стороны его внедрения в национальную экономику и разработав целую систему взаимодействия с ним. Бразилия имеет и опыт демократического решения социальных проблем — деятельности трехсторонних (работодатели — профсоюзы — государство) комиссий, поиска и выработки консенсуса по главным вопросам национального развития, а Россия только начинает осваивать подобные подходы.

Результаты демократизации и модернизации политических структур в России/на постсоветском пространстве и в Бразилии наших дней также весьма несхожи. Так, анализ политического развития России и «постсоветских государств» свидетельствует о том, что оно «может идти по множеству разнонаправленных траекторий», ведя «и к закреплению демократических институтов и практик, и к их “гибридному” сочетанию с унаследованными от прошлого недемократическими структурами», и к ситуации, когда вполне возможна «трансформация одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией “новой автократии”» [3, с. 64; 71; 74]. Бразилия же, и это главное, достигла очень многого в утверждении демократии: об этом свидетельствуют как череда (после двух десятилетий военного режима — семи) прямых демократических президентских выборов, в том числе избрание главой государства лидера левой оппозиции, которого дважды — в 2002 и 2006 гг. — поддержали более 60 % избирателей (а в 2010 и в 2014 гг. электорат поддержал его преемницу, демонстрируя тем самым приверженность избранной траектории), так и опыт участия гражданского общества в решении насущных общенациональных проблем, островки так называемой партисипативной демократии (действовавшей в разное время в гг. Порту-Алегре, Сан-Паулу, во многих средних и малых городах), открытое обсуждение на национальном уровне узловых проблем развития и т.д.

С приходом к власти в Бразилии левых векторы реформирования в двух странах еще более разошлись, демонстрируя свой разнонаправленный характер. И дело совсем не в том, «хорошо» это или «плохо». Просто у двух стран разные задачи, совершенно непохожие политические элиты и т.д. (что, конечно, не устраняет самого факта сходства общих, генеральных задач модернизации, как не исключает близости внешнеполитических позиций обеих стран и необходимости их сотрудничества на международной арене).

Данные аргументы, казалось бы, приводят к выводу о том, что можно говорить не о сравнении двух государств, а об отдельных страновых case studies.

Но все эти соображения — подчеркнем вновь — относятся к периоду, который можно окрестить как «сегодняшний день».

А вот если обратиться к событиям и социальным феноменам второй половины/конца 1980-х — начала 1990-х гг., к эпохе демократического транзита, мы увидим совершенно иную картину. Историческое место этого периода можно определить как *стартовые позиции, начало перехода* к демократизации, экономической и политической модернизации общества. «На старте реформ» — так можно охарактеризовать ту отправную точку, движение от которой действительно открывает для исследователя большие возможности для весьма широкого сопоставительного, сравнительно-исторического анализа. Выявившись в Бразилии, феномены демократизации обрели характер своеобразных *закономерностей поставторитарного периода*, которые прослеживались затем и в России, и в восточноевропейских странах.

Когда речь идет о *начале перехода* к экономической и политической модернизации общества, о сравнении именно *модернизационных проектов, стартовых позиций демократизации*, в случае Бразилии и России представляется вполне оправданным говорить не о случайных аналогиях или совпадениях, а о проистекающих из самой сути преобразований близости исторических ситуаций, точнее — *типологической одноплановости* процессов, получивших развитие как в двух данных странах, так и на огромных геополитических пространствах Латинской Америки, бывшего Советского Союза и Восточной Европы. Типологическая сопоставимость ряда параметров развития, сходство задач модернизации и интеграции в мирохозяйственные связи, переходный характер преодолевавших наследие авторитаризма и

тоталитаризма обществ, недостаточная развитость гражданского общества и политической демократии — вся эта сумма общностей позволяет не только сравнивать реальности поставторитарных обществ на стартовом рубеже, но и задуматься о глубинной подоплеке такого рода сопоставлений.

Именно эта типологическая сопоставимость развития и дает основание утверждать: процесс перехода от авторитаризма к демократии порождает сущностно близкие социально-экономические, а *особенно политические и социально-психологические феномены*, выявляет сходные *черты массового сознания*. И это происходит, несмотря на отмеченные выше колоссальные различия в характере исторического развития поставторитарных стран и их принадлежность к разным цивилизационным типам, несмотря на особенности их экономического, политического и этносоциального устройства; разную — порой трудно сравнимую — степень укорененности рыночных структур, институтов гражданского общества; весьма неодинаковое наследие авторитаризма в одних случаях и тоталитаризма — в других; несмотря на специфику политического менталитета и общественного сознания. Это заключение имеет самое прямое отношение к сравнению Бразилии и России и приводит к выводам об определенных закономерностях переходного поставторитарного периода.

Важные параметры глубинного сходства Бразилии и России кроются в самом характере модернизации.

Обратимся к истории развития капитализма в Бразилии/Латинской Америке и России на рубеже XIX–XX вв. В Латинской Америке его периферийный характер был обусловлен более низким, чем в развитых странах, уровнем развития производительных сил, сохранением многоукладности со значительным удельным весом докапиталистических форм хозяйства (в значительной мере — наследием колониального прошлого) при системообразующей роли капиталистического уклада. Специфической «родовой» чертой латиноамериканского капитализма, развивавшегося с существенным запозданием по сравнению с капитализмом стран «центра», где он к тому времени уже вступил в монополистическую стадию (начало XX в.), стал его зависимый характер. В Бразилии большую роль в этом плане сыграли и поздняя отмена рабства (1888 г.), и засилье архаичных, докапиталистических пережитков, долгое время сдерживавших развитие капитализма, и исторически сложившаяся резкая региональная поляризация, наличие «островов слаборазвитости» внутри страны (Северо-Восток).

Что касается России, то ее модернизационная парадигма в начале XX в. отличалась большой противоречивостью. С одной стороны, в этот период экономика была на подъеме, а с другой — ряд особенностей исторического развития России дают основания говорить о сопоставимости его с латиноамериканским. Российский капитализм взял старт на относительно позднем историческом рубеже. Он вошел в XX в., опутанный многочисленными пережитками крепостничества и фактически полуфеодальными социальными и политическими отношениями. Архаичные пути в совокупности с общей экономической отсталостью (по сравнению с передовыми странами Западной Европы и Северной Америки); растянутая во времени и так и не доведенная до конца аграрная реформа; слабость национальной буржуазии, многими нитями связанной с самодержавно-бюрократическими верхами и весьма консервативной в политическом плане; относительно высокая доля иностранного капитала — данные черты в немалой степени определяли характер модернизации в России в начале XX в.

Очень важным моментом, характеризовавшим развитие капитализма в Латинской Америке, был его «парниковый характер» [4, с. 86–87], когда этот капитализм — в условиях острой конкуренции со стороны монополий индустриальных стран — мог развиваться лишь под прикрытием высоких таможенных барьеров, при широкой поддержке со стороны государства. Это весьма сопоставимо с политикой и методами государственного стимулирования промышленного капитала в России начала XX в. Исторически Россия складывалась как общество с доминирующим государственным началом; растущая централизация управления была одной из наиболее характерных черт российской имперской модели (начиная с петровской эпохи). Сильное государственное начало определяло впоследствии и советскую модель. Это — одна из характеристик, сблизивших Россию с Бразилией, для экономической истории которой характерны автаркия — политика жесткого протекционизма и самообеспечения (применявшаяся в Бразилии в 1950-е гг.), наличие обширного госсектора и государ-

ственной собственности, централизованный контроль над экономикой (имевших, впрочем, в двух странах разновеликие масштабы).

Итак, запоздалое начало буржуазного развития и буржуазной модернизации, сохранение сильного традиционалистского сектора (ярче всего проявившегося в таких архаичных укладах, как рабство в Бразилии и крепостничество в России), роль иностранного капитала, обусловившая в том числе и особенности первоначального накопления, относительная — по сравнению со странами «центра» — слабость местного капитала и местной буржуазии — эти черты, характерные для экономической истории стран Латинской Америки, были свойственны и России начала XX в., что позволяет отнести их ко «второму эшелону» государств, вступивших на путь капиталистического развития.

«Российский вариант» модели «запоздалого развития» связан с так называемым «догоняющим развитием», или «развитием вдогонку», когда длительный период застоя сменялся рывком, стремлением заимствовать результаты западной парадигмы, причем в жертву этому рывку приносились все остальные элементы социального организма; за этими рывками стояли попытки безудержного государственного самоутверждения ради внутренней интеграции и укрепления международных позиций [5, p. 32; 6, с. 162–163; 7, с. 201; 8, с. 120–121; 9; 10; 11; 12, с.73].

Исторические особенности развития капитализма в России создали предпосылки, во многом определившие специфику преобразований послеоктябрьского периода. Поздняя и непоследовательная модернизация начала XX в., а с 1930-х гг. — порожденная тоталитаризмом и стимулируемая опасностью войны милитаризованная и огосударствленная экономика («государственно-монополистический социализм»), построенная на власти бюрократической элиты и демонстрировавшая неприятие новейших достижений научно-технического прогресса, неспособность совершить технологический рывок, который бы соответствовал современным потребностям, — все это сдерживало развитие страны, способствовало ее относительному отставанию по сравнению с уходящими вперед развитыми странами Запада. Такого рода характер советской экономики, по существу, предопределил проигрыш ею исторического соревнования с той системой, которая оказалась способной обеспечить более высокие темпы производительности труда, зиждившиеся на восприимчивости к научно-техническому прогрессу, и на базе этого шагнуть в постиндустриальное общество. Так сформировалась крайне невыгодная стартовая позиция для модернизаторских планов начала 1990-х гг., характеризовавшаяся «национализированной экономической системой, консолидированной путем насильственной ликвидации рыночных отношений и установления политико-идеологических связей вместо экономических» [13, с. 46].

Возвращаясь к отправной точке, с которой началось движение к новому качеству политической системы, следует вновь указать — на фоне указанных выше общностей — на огромные межстрановые различия.

Прежде всего это кардинальные различия в характере социально-экономического развития Бразилии и России. Главным в этом плане является тот факт, что Бразилия, как и другие страны Латинской Америки, — это капиталистическое государство, экономическая система которого основана на рыночных отношениях; в Бразилии/Латинской Америке речь не шла о так называемом «двойном переходе» — демократизация здесь не была сопряжена, как в России, с переходом к рыночной экономике. Если России предстояло выстраивать рыночные отношения «с нуля», пройти путь от «командной», централизованной экономики к рыночной, то в Бразилии при проведении неолиберальных реформ в период президентства Ф. Коллора вопрос стоял не о «введении» частной собственности, конкуренции и других атрибутов рыночной экономики, не об изменении, как в России, основ экономического строя, а о его модернизации в рамках уже существовавшего пути развития, о *расширении сферы* рыночных отношений, о достижении большей степени открытости и конкурентоспособности национальной экономики с целью более глубокого вовлечения экономического потенциала страны в мирохозяйственные связи, в глобализованную мировую экономику.

Другое важное расхождение состояло в том, что Россия начала движение к демократии от *тоталитарной* системы, в которой нет места гражданскому обществу, экономическое и политическое развитие которой определялось всеобъемлющим проникновением государства-монополиста во все сферы жизни общества и индивидуума. Бразильский же военный

режим носил *не тоталитарный, а авторитарный характер*; он не сумел полностью подчинить себе гражданское общество. Общественная мысль, культура, несмотря на ужесточение цензуры и непрекращавшуюся деятельность репрессивного аппарата, не были подчинены исключительно обслуживанию потребностей диктатуры: развивалась независимая политическая мысль, ставшая впоследствии катализатором идей демократизации, действовали институты гражданского общества.

Бразильский авторитаризм, узурпировав и подмяв под себя политическую власть, не распространялся, в отличие от советского тоталитаризма, на экономику. Крупная бразильская буржуазия, связанная с военными, была заинтересована в сохранении для себя определенной свободы действий [14, с. 50]. Хотя, как уже отмечалось, в Бразилии государство занимало сильные позиции в экономике, было бы неверно утверждать, что оно стремилось к тотальному контролю над экономическими рычагами: бразильская экономика, в том числе и обширный госсектор, несмотря на известные ограничения, функционировали в зоне рыночных отношений, хотя стремление к более полному и более свободному их развитию, к модели открытой рыночной экономики и явилось главной предпосылкой «шоковой терапии» Ф. Коллора.

На современном этапе в Бразилии и России различны природа и характер экономических кризисов, инфляционных процессов, неодинаковы изменения в социальной структуре. Если сравнить Бразилию и Россию того периода, когда лишь начали осуществляться экономические реформы как часть «модернизационного скачка», то для первой было характерно несопоставимо большее неравенство в распределении национального богатства. Немалое своеобразие имеют и особенности массового сознания, различия в социальной психологии, специфика национального характера и национальной культуры в обеих странах. Ведь именно тот факт, что Бразилия является страной, имеющей в своей основе рыночную экономику, обусловил ситуацию, при которой даже сходные по форме и направленности экономические реформы, проводившиеся в обеих странах в начале 1990-х гг., имели разный эффект, разную степень «трудности прохождения», разный отклик в обществе, разный характер противодействия.

И вместе с тем все эти различия не только не являются препятствием для проведения сравнительного анализа, но, напротив, делают его еще более необходимым, поскольку помогают понять — как раз на фоне разноликости — поразительное сходство некоторых аспектов начального этапа переходного периода. Со своей стороны, имеющаяся схожесть (и принадлежность) обоих государств ко «второму эшелону» стран, позднее ведущих стран Запада вступивших на путь модернизации, подверженных в силу этого и более сильному воздействию внешних факторов, и недостаточная развитость политической инфраструктуры, включая институты демократии, гражданского общества) еще больше подчеркивает *параллелизмы* в развитии, подводит к выводу о том, что некоторые уроки бразильского опыта радикальной экономической и политической трансформации высвечивают важные стороны начального этапа реформирования России, стран СНГ, Восточной Европы (реформирования, последовавшего хронологически позже бразильского). Более того, если при условии различий находится немало сходного в характере ряда процессов переходного периода, следовательно, эти общие черты являются следствием отмеченной выше глубинной сопрягаемости траекторий, параметров, векторов модернизационных процессов.

Таким образом, дуалистическое сочетание схожесть/различия, а точнее — схожесть, являющаяся парадоксальным продолжением различий, и различия как фон, на котором проявляется схожесть, — это две характеристики двух «стран-континентов».

* * *

«Уроки демократизации» в Бразилии и России связаны и с характером вызревания демократии в условиях авторитарного/тоталитарного общества, и с процессом складывания новых правящих элит, и со взаимосвязью экономики и политики, когда эффективность демократического режима базируется на его способности как решить острые, кризисные социально-экономические проблемы, так и обеспечить общенациональное согласие и развитие в интересах большинства; речь идет также и о некоторых особенностях формирования гражданского общества и политической культуры (партийная система, роль политического лидерства и др.).

Новые политические элиты. Незавершенность процесса складывания новых, соответствовавших новому периоду экономического реформирования элит в Бразилии свидетельствовала о трудностях этого процесса. Старые политические элиты (наследие режима Варгаса) ушли в прошлое, а новые еще не сформировались. Незавершенность процесса их формирования крайне затрудняло модернизацию экономических и социальных структур. При этом проблеме формирования новых элит придавалось первостепенное значение: ее выдвигали на приоритетное место даже по сравнению с вопросами совершенствования политического представительства или усиления роли партий [15, р. 182]. Как подчеркивал бывший президент Бразилии, ученый-социолог Ф.Э. Кардозу, формирование новых властных структур является обязательным условием успеха рыночных преобразований.

В России начального периода реформ «старая система рекрутирования элит» оказалась разрушена, а новая, по словам российского исследователя Е.Б. Шестопал, складывалась «медленно и стихийно» [16, с. 331]; на том этапе в России не существовало ни элиты современного менеджмента, ни – в условиях политической монополии единственной партии – «параллельных» оппозиционных элит [17]. Специфической чертой российского транзита стало «сохранение у власти ключевых групп советского правящего класса. Отсутствовавшая в России фаза достижения общественного согласия, пакта между представителями противоборствующих в ходе демократического транзита сторон во многих случаях сохраняла для старого правящего класса определенные гарантии политической и экономической безопасности и включала его в новую политическую систему как легитимного участника демократического процесса» [18, с. 32]. В силу этого «новые элиты», вышедшие на политическую арену, имели весьма противоречивый облик, в котором при сохранении «ядра старой номенклатуры» была велика доля «новых карьерных профессионалов из демократических рядов» [18, с. 32]. Попытки же в начале 1990-х гг. заменить «номенклатурную» элиту на представителей экономических субъектов, как подчеркивала российский политолог О.В. Гаман-Голутвина, повлекли за собой беспрецедентное в истории России влияние крупного капитала на политический процесс [19, с. 316, 318] (имевшее весьма пагубные последствия).

Бразильский опыт выявил особую **роль государства** на этапе радикальных реформ. Так, бразильская модель продемонстрировала весьма ярко проявившийся позже в России такой феномен, как корпоративистский и патримониальный характер государства. От периода Колонии вплоть до Империи и затем Республики традиционное бюрократическое государство навязывало свою гегемонию в экономике, в частнопредпринимательской деятельности; эта гегемония превратилась в один из решающих факторов, который определил более позднее формирование либеральной демократии [20, р. 6]. Исторически государство в Бразилии сильно доминировало над гражданским обществом, что подпитывалось исторической традицией – наличием регионалистских и олигархических партий, сельским клиентелизмом, отсутствием политически организованного среднего класса.

В России государство на всех этапах исторического развития играло центральную роль в жизни общества; эта роль была тем более значимой в условиях отсутствия многопартийной системы и эффективных парламентских структур. Сущность политической системы, сформировавшейся в СССР в период тоталитаризма, сводилась к формуле «партия-государство», когда единственная партия (КПСС) и государство составляли квинтэссенцию режима. Государство в России (в социалистический период) пронизывало собой все стороны общественной жизни, демонстрируя патерналистский характер по отношению как ко всему обществу, так и к его отдельным членам. Занимая господствующие позиции в экономике (в бывшем СССР они были практически всеобъемлющими, а в Бразилии охватывали – с 1960-х гг. до начала приватизации в начале 1990-х гг. – до 40 % средств производства, носивших к тому же ключевой характер), государство брало под свою опеку все общество, что оказывало – в обоих случаях – немалое влияние на социальную психологию: имел место рост потребительских настроений и крепла уверенность в том, что государство способно и обязано решить все проблемы.

С характером государства были связаны и **особенности рынка** в обеих странах. Хотя в России в начале 1990-х гг., как уже говорилось выше, речь шла лишь о его складывании, а в Бразилии того же периода – о необходимости придания ему большего динамизма и открытости, некоторые «родовые черты» были схожи в обоих случаях: на начальном эта-

пе рыночные реформы привели лишь к перераспределению собственности внутри элиты [21, с. 109], углублению в Бразилии и возникновению в России огромных социальных диспропорций между состоятельными группами и бедными слоями, способствовали той самой так называемой «анклавной», а не всеобъемлющей социальной и экономической модернизации. «Вместо децентрализации и создания свободной и конкурентоспособной экономики», отмечал перуанский экономист А. Варгас Льюса, в «латиноамериканском» (включая бразильский – *Л.О.*) и «российском» случаях сложился такой тип капитализма, когда «успех той или иной компании всецело зависит от ее политических связей наверху» [21, с. 109].

С особенностями взаимодействия государства с экономическими и социальными структурами оказалась тесно связана и **позиция предпринимательских элит**. В Бразилии начало нелиберальных реформ натолкнулось на корпоративистскую, клиентелистскую, пронизанную духом государственного патернализма, ориентацию предпринимательских организаций. На протяжении десятилетий значительные слои предпринимателей рассматривали государство как ответственное за судьбу частного сектора. В этих особенностях их социального облика бразильские политологи увидели рычаги торможения модернизации. В российском случае (где, в отличие от Бразилии, традиция предпринимательства и ведения бизнеса в силу исторических обстоятельств оказалась прервана, а рыночная экономика не функционировала в течение семи десятилетий) в облике предпринимательских элит начала 1990-х гг. также прослеживалась тесная связь с государством, зависимость от его патерналистских интенций, корпоративизм, которые как бы возродились заново, уже в новых исторических обстоятельствах, реанимируя «старые» особенности российской буржуазии начала XX в. В этом плане стремление «освободить общество от патримониального государства», уменьшить роль последнего в экономике и усилить те рычаги, которые могли бы способствовать ускорению развития и модернизации на основе формирования конкурентного характера рыночной экономики [22, р. 63] рассматривалось в Бразилии начала 1990-х гг. как сходные задачи и Бразилии, и России в переходный период.

* * *

Уникальный материал для сравнительного исследования дают некоторые социально-политические и социально-психологические феномены, порожденные процессами радикальных реформ в обеих странах, ситуацией «демократического прорыва», последовавшего в обеих странах после 1985 г.

И все же начать следует опять с различий. Ведь общий политический фон, на котором разворачивались процессы демократизации, был весьма неодинаков. Повторим: такие черты российской ситуации, как слом командно-административной системы и формирование рыночных механизмов, распад прежних экономических и социальных связей, были совершенно не характерны для Бразилии, где переход от военного режима к демократии не был направлен на то, чтобы изменить прежнюю экономическую систему. Поэтому в ходе политической борьбы в Бразилии, особенно во время президентских выборов 1989 г., которые раскололи страну на два противостоящих лагеря*, не было, естественно, таких явлений, которые характеризовали российскую ситуацию в 1990–1991 гг. и особенно ярко проявились в ходе президентских выборов в июне 1991 г., как ориентация одних сил на приоритет государственной собственности, планового хозяйства, контроль правящей партии над органами власти, – и прямо противоположная позиция других сил, призывавших к ускоренному переходу к рынку и введению частной собственности. Начисто отсутствовала в Бразилии и такая важная ось противостояния основных политических сил в бывшем СССР, как противопоставление союзных структур, «центра», суверенитету республик (при том, что в Бразилии имеются далеко не всегда совпадающие интересы федерального центра и штатов, тем не менее тенденций к политическому сепаратизму, которые угрожали бы целостности государства, нет).

* В Бразилии не было, конечно, противостояния по линии социализм/капитализм, «план/рынок», хотя и «собственный» раскол общества, пролежавший по оси правые/левые, роль государства-социальные программы-борьба с бедностью/модернизация на основе «раскрепощения» рынка, был достаточно явным.

В силу всех этих обстоятельств не было в Бразилии и такого социально-психологического феномена, как «ценностный вакуум». Кризис системы ценностей является неизменным результатом ускоренной модернизации и сопровождается отказом от определенного жизненного уклада и моделей поведения; он затрудняет саму модернизацию, которая требует консенсуса, моральной консолидации общества. В России же перестройка и последовавшая затем эпоха радикальных реформ, означавших ответ на потребности ускоренной модернизации и воплотившихся в переходе к новому социальному строю (чего не было в Бразилии), не могли не вызвать вакуума в массовом сознании. Огромное смятение в состоянии умов внес распад СССР.

Социологи тогда отмечали, что развал страны воспринимался многими гражданами страны как крушение целого мира: хорошего ли, плохого ли, но мира со своими законами, правилами, привычками и ценностями, — по иерархии общества был нанесен сокрушительный удар [23]. Провозглашенный курс на формирование рынка не мог заменить идеалы прошлой эпохи или «сотворить» новые (как отмечал в то время академик Л.И. Абалкин, создание рынка может быть лишь целью реформы хозяйственного механизма, но рынок сам по себе не может быть целью общества [24]). Поскольку другие ценности выработаны не были (да их и невозможно было создать в столь краткий период), «ценностный вакуум» приобрел в российских условиях форму «крушения идеалов», повлекшую за собой мифологизацию и своего рода «романтизацию», воспевание образов и традиций, категорий прошлого, давно минувших столетий (это было характерно для государств всего «постсоциалистического» пространства; о наблюдавшихся в восточноевропейских странах рецидивах «прежних, глубоко укоренившихся традиций», в частности, национализма, популизма, авторитаризма, писал французский политолог А. Турен [25, с. 84]). Рождавшаяся в ходе российской посткоммунистической трансформации «новая общественно-политическая реальность в гораздо большей мере, чем в других случаях демократических транзитов, несла в себе «сложный сплав частично преодоленных, а частично преобразованных традиций прошлого» [18, с. 29].

С проблемой кризиса системы ценностей тесно связан и вопрос об оценке исторического прошлого. В России начала 1990-х гг. эти проблемы стали частью острейшей политической борьбы между сторонниками и противниками рыночной системы; получили распространение «крайние» точки зрения о советском периоде как «абсолютном провале», «национальной трагедии», «вакууме», «на 100 %» затормозившем поступательное развитие страны. В Бразилии в тот же переломный период не было такого драматизма при освещении собственной истории. Здесь при любом, самом критичном ее восприятии отнюдь не провозглашалось отрицание каких-либо ее периодов — все они рассматривались как этапы общего поступательного развития страны. В давно идущих дискуссиях вокруг такого крупнейшего этапа новейшей истории страны, как режим Жетулиу Варгаса и его «Новое государство», даже при самых критических его оценках или в тех случаях, когда в различные периоды политической эволюции Бразилии из многообразного наследия жетулизма (от авторитарного характера правления до создания одной из важнейших предпосылок для демократизации — перехода к многопартийности) «черпались» его различные черты [26, р. 21–36], нет точек зрения, которые квалифицировали бы этот режим как «провал», «черную дыру» в истории Бразилии. То же относится и к оценкам периода правления военных. При полном неприятии и осуждении господства военных, при более чем критичном отношении к самому периоду авторитаризма, в Бразилии существовало четкое и ясно выраженное понимание того, что именно в этот период в стране были достигнуты наиболее значительные показатели экономического роста. Поэтому речи не могло идти об оценке этого периода как «провала» [27, с. 114–119]. Или другой пример. В день проведения первого тура первых — за предшествовавшие этому событию почти тридцатилетия — прямых президентских выборов 15 ноября 1989 г. Бразилия торжественно отметила как важную историческую дату 100-летие установления Республики. Драматические эпизоды борьбы за республику, слившиеся с борьбой за отмену рабства в 1888 г., волнующие картины прошлого, воссоздававшиеся на страницах газет, — все это использовалось СМИ для иллюстрации тезиса о поступательном развитии страны, об исторических истоках формирования демократических традиций, гражданского общества. Крушение же монархии, о наиболее ярких моментах

которого напоминали бразильцам печатные издания и телепрограммы, отнюдь не рисовалось в черных тонах — ей отдавалась дань уважения, но вместе с тем взгляд вперед, в будущее, а не назад — вот что было характерно для политических дискуссий и общественного мнения времен той президентской кампании: в центре находились насущные вопросы реформирования страны, дискуссии о путях и методах обновления политических и экономических структур.

* * *

Вернемся к упоминавшемуся выше параллелизму, продуцировавшему сходство (но вновь оговоримся — сходство на фоне различий).

Бразильский опыт стартового периода демократизации продемонстрировал ряд особенностей формирования гражданского общества и политической культуры. В Бразилии в период правления президента Ф. Коллора (1990—1992 гг.) имели место конфликтные отношения исполнительной и законодательной власти (преобладала тактика, основанная на конфронтации правительства и парламента, когда президент — глава кабинета — предпочитал править путем «временных мер», не требовавших одобрения Конгресса). Россия в начале 1990-х гг. приступила фактически заново к поиску путей создания эффективной политической системы с компетентным правительством, эффективным парламентом, многопартийностью, подлинным разделением властей. Однако практическая деятельность создававшихся ветвей власти, их неспособность к консенсусу, конфликтный характер взаимоотношений (который в целом не является редкостью в условиях демократического транзита) серьезно затрудняли процесс политической демократизации; в совокупности со слабо выраженной традицией политического участия масс эти факторы стали в начале 1990-х гг. препятствием на пути формирования демократической политической системы. «Равноправие в ведении переговоров, взаимные уступки и компромиссы не характерны для российской внутренней политики» [28, с. 13]. Данный заряд конфликтности, по словам российского политолога М.М. Лебедевой, был характерен и для дореволюционного, и для советского периодов; «это находило выражение в стремлении к централизации государства, негативном отношении к компромиссам и разного рода соглашениям..., вере в справедливость решений начальства и т.п.» [29]. Характерная для того периода поляризованная политическая культура также не давала возможности прийти к консенсусу по поводу целей развития, способов реформирования общества.

То же относилось и к начальному периоду становления **партийно-политической системы** в Бразилии и в России.

Сделаем небольшое отступление, рассмотрев постановку этой проблемы в социальных науках Бразилии и Латинской Америки 1990-х гг.

Политические партии представляют собой необходимый механизм демократического устройства. Без их поддержки немислимо отстаивание прав как всего общества, так и его отдельных социальных компонентов, демократическое правление в целом. Партии появились вместе с признанием права народа участвовать в функционировании политической власти, и само их существование свидетельствует о реализации демократического проекта. Возникая вне государства, партии выполняют важные функции, являясь посредниками между индивидуумами и государством, защитниками их экономических и политических прав, этнических, культурных, религиозных интересов.

Вместе с тем серьезные проблемы создает хрупкость и чрезмерная фрагментация партий; если двухпартийная система не может обеспечить представительства всего разнообразия общественных интересов, то многопартийность сама по себе также не является панацеей: ведь если за власть борются пять-шесть нестабильных партий, то это также создает немалые препятствия для функционирования механизма демократии — апатию у электората, непостоянство коалиций в парламенте, трудности модернизации госаппарата [30, с. 68—69; 31, с. 78—79].

Другой парадокс заключается в том, что повсеместное утверждение политических прав, призванное воплотить в себе наиболее яркие идеалы демократии, привело не к более активному участию граждан в жизни страны, а, напротив, к исчезновению ряда форм демократической практики, к формализации права голоса и к социальной апатии. Многие избиратели отходят от партий, стремятся найти иные пути выражения своих требований — через альтернативные общественные движения, либо вообще предпочитают оставаться вне институциональных механизмов принятия решений. В свою очередь, если партии (и с точки зрения организации, и с точки зрения их программ), оказавшись не готовыми к социально-экономической трансформации, переставая или будучи неспособными стать выразителями социальных требований электората, создают ситуацию, при которой их диалог с населением прерывается, то резко возрастает избирательная активность кандидатов, не принадлежащих ни к партиям, ни к политическим

движениям. В этом кризисе партий некоторые исследователи были склонны усматривать кризис демократии в целом — как системы политических и культурных институтов, так и самой системы представительства. Партии начинают распадаться, что является отражением растущей в обществе дифференциации, все большего отстранения людей от политики [30, с. 68–69; 32, р. 2–3].

Приоритетная роль личности — теперь уже не кандидатов в президенты, а самих президентов — проявляется и после завершения предвыборной кампании. Причина и одновременно следствие этого — неустойчивость и фрагментарность партийной системы. Склонность президентов к прямой опоре на народ, минуя партии, к авторитарному личному лидерству — реальность Латинской Америки (бывшие президенты трех стран: Бразилии — Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем). В известном плане данный феномен свидетельствовал о кризисе процессов социализации, в свое время положивших начало демократической практике социального общежития и созданию партийных механизмов гражданского представительства [31, с. 78–79; 30, с. 68].

Подтверждением тому стали и парадоксальные процессы в среде так называемых региональных лидеров. Их роль неуклонно возрастала, особенно по мере усиления критики по отношению к «центру», ослабления партий, падения престижа государства, нарастания центробежных тенденций. Региональные лидеры набирали силу, подчас объявляли ультиматумы центральному правительству, объединяли вокруг себя массы в штатах, муниципиях, маленьких городках. Кстати сказать, порой это приводило к весьма непредсказуемым последствиям, о чем свидетельствовал бразильский опыт 1999 г., когда конфликт между ступенями исполнительной власти — губернатором штата Минас-Жерайс И. Франку и федеральным правительством — не только привел к экономическому кризису внутри страны, но и спровоцировал острейший международный финансовый кризис.

Как трактовать подобные феномены? Возможно, это и была «партиципативная демократия» в действии, пробуждающая массы к активной жизни, к участию в политике, к осознанному и самостоятельному формированию своих требований? Но те же самые процессы, по свидетельству латиноамериканских исследователей, могли — при определенных обстоятельствах — нести в себе и нечто совсем иное, прокладывая путь к новому корпоративизму, к укреплению элитарных группировок, зачастую связанных с криминальным капиталом, к разбалансированности государственной машины, к потере управляемости и в конечном счете — к ликвидации демократии.

Отмечалось и другое. Демократию не случайно отождествляют с выборами: ведь именно они предоставляют возможность прийти к власти демократическим путем. Это обстоятельство заставило многие партии сориентировать свою структуру исключительно на участие в избирательных кампаниях. Но зачастую цель завоевания власти полностью превалюирует, и тогда партии в ходе предвыборной борьбы уподобляются торговым фирмам, успех которых во многом обусловлен как масштабами их деятельности, так и постоянным присутствием на рынке товаров. Стремясь привлечь наибольшее количество сторонников, партии идут на популистские шаги, подчас снижая планку своих требований, исключая из программ те пункты, которые могут оттолкнуть избирателей. В результате предвыборные кампании все более походят на рекламные, а партии превращаются в электоральные машины. При этом они неизбежно перестают выражать интересы и ожидания гражданского общества. Складывается своего рода зависимость: чем активнее партии стараются адаптироваться к динамике предвыборного «рынка», тем меньше они способны разрабатывать собственную политическую линию, поддерживая связи со своими низовыми организациями [30, с. 68].

Вместе с тем причины констатируемого политикой известного спада в функционировании демократии коренились далеко не только в абсентеизме, отсутствии у граждан интереса к участию в политике, в стремлении партий к завоеванию власти, в претензиях на монополию политического представительства или в коррупции — факторах, серьезно подорвавших имидж партий. Причины лежали глубже — в радикальных изменениях, происшедших в политике и в самом наполнении концепции демократии по сравнению с первой половиной XX в. В современной ситуации крайнего усложнения социальной стратификации, в условиях складывания так называемого «массового общества» для углубления демократии должны выдвинуться партии очень широкого социального и политического спектра, которые были бы способны наладить связи между политиками и электоратом, выразить всю гамму требований общества, в которую включены и демократия участия, и защита прав социального меньшинства, и контроль над государственным аппаратом [30, с. 69–70; 32, р. 2–3].

В силу этого многие латиноамериканские политики склонялись к выводу, что формула тогдашнего перуанского президента А. Фухимори (1990–2000 гг.) — «демократия в Перу не нуждается в политических партиях» [33] — не адекватна: партии следует укреплять, поддерживая новых, компетентных политиков. Именно партии наряду с новыми социальными движениями, выражая квинтэссенцию требований гражданского общества, должны и могут продвинуть демократизацию [32, р. 2–3]. Хотя латиноамериканский опыт свидетельствует о том, что страна может развивать экономику и при наличии слабых партий (в качестве примера ссылались на Бразилию первой половины 1990-х гг. с ее огромным рынком и динамичным экспортным сектором), сама постановка вопроса о демократии и ее необратимости требует создания устойчивой системы межпартийного взаимодействия и конкуренции [31, с. 78–79].

В Бразилии наступление демократии вызвало к жизни появление множества партий (большинство из них были окрещены «игрушечными», или «карманными»), претендовавших — наряду с партиями по-настоящему крупными и влиятельными — на место под «политическим солнцем»; некоторые из них создавались специально «под выдвижение» определенного политика в качестве кандидата в президенты (таково было требование бразильской конституции), а затем, выполнив свою миссию, тихо исчезали с политической арены (самый яркий пример — Партия национальной реконструкции Ф. Коллора). В России слом однопартийной системы привел к образованию огромного количества партий, не обладавших ни реальным весом в политической жизни, ни солидным представительством интересов (за исключением КПРФ, возникшей в качестве наследницы КПСС и имевшей в начале 1990-х гг. устойчивый электорат), носивших фрагментарный характер; в политическом облике этих партий преобладали ярко выраженный клиентелизм и корпоративизм, а сами они во многом напоминали «политические клубы». В силу этого характерной чертой того периода явилось недоверие большинства россиян к политическим партиям как таковым: им доверяли в рассматриваемый период не более 10 % граждан [34, с. 36].

Недоверие к партиям, патерналистская («царистская», согласно российскому политическому лексикону) психология, воплощенная в традиционной, идущей еще от времен самодержавия ориентации большинства российского населения на сильную централизованную власть, которую олицетворяют монарх-самодержец, генеральный секретарь или президент [34, с. 36; 16, с. 222; 35, с. 371], — все это породило **ориентацию на харизматического лидера**. Опыт Бразилии показал, что в переходные эпохи формируется новый тип политического лидерства. Тесно связанная со слабо структурированной системой политических партий приверженность популизму и влиянию харизматических лидеров — характерная черта политической культуры и социального менталитета, в полной мере проявившаяся в поставторитарных странах, — в данном случае на старте демократизации и в Бразилии, и в России. Персонификация власти и политики, ожидание прихода харизматического лидера, упование на чудо — все это было характерно и для бразильского, и для российского case studies: ведь в обоих случаях осознание необходимости модернизации старых экономических структур началось сверху, вызревало внутри партийно-государственного аппарата (в бывшем СССР) и внутри стоявшей у власти высшей военной элиты (в Бразилии); подобная отправная точка (наряду с иными указанными выше обстоятельствами — ролью «государства-Левифана», пронизанным патернализмом общественным сознанием, недостаточным развитием [Бразилия] или отсутствием [Россия] демократических процедур и отсутствием навыка и привычки жить в условиях этих процедур и др.) в обстановке слома прежних моделей развития и жизненных устоев весьма способствует выходу на политическую поверхность харизматических, популистских лидеров.

Резкое возрастание влияния харизматических лидеров, частым и неотъемлемым атрибутом которых является популизм, — феномен, присущий обществам, долгие годы управлявшимся «сверху» и переживающим переход к демократии, сопровождающийся включением в политическую жизнь широких масс. Неудовлетворенные желания и ожидания народа, игнорировавшиеся в течение долгого времени официальной властью, — вот что в первую очередь находит отражение в программах новых лидеров, стремящихся к коренному реформированию власти. Для популизма, порожденного «сходным психологическим состоянием» различных социальных слоев, характерно объединение «”всех и вся” против старой власти, старой жизни» [36, с. 86–87].

Бразильские выборы 1989 г. продемонстрировали весьма поучительный феномен. В период кризиса, общественного перелома, перехода общества в иное качество, его поляризации на крайние полюса и в значительной мере дискредитации или падении в глазах избирателей политического рейтинга представителей этих крайних направлений, а также в атмосфере растерянности, усталости, дезориентации общества, выходящего на свободу из-под «обломков» прежнего режима авторитарной власти, в обстановке обусловленного всеми этими факторами крушения прежних идеалов, распада прежних нормативов и отсутствия новых, в условиях неуверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, страха перед будущим, в ситуации политической нестабильности — в это время очень велика вероятность прихода к власти никому не известного политика с сильной популистской окраской, который просто воспользуется неопределенной/«ничейной» ситуацией и «поднимет» «валяющуюся на улице» власть.

И здесь встает вопрос о роли так называемого «нового политика», «нового лидера».

В Бразилии Ф. Коллор, как уже отмечалось выше, был формально выдвинут кандидатом от Партии национальной реконструкции, как того требовали конституционные «правила игры» при проведении избирательной кампании. Будучи специально созданной в 1989 г. с единственной целью – выдвинуть Коллора своим кандидатом в президенты, эта партия («карманная», «игрушечная», по выражению самих бразильцев) не могла тягаться с такими мощными политическими образованиями, как Партия бразильского демократического движения во главе со старейшим политическим деятелем У. Гимараэнсом или созданная в 1988 г., но на момент выборов уже влиятельная Партия бразильской социал-демократии во главе с М. Ковасом, Ф.Э. Кардозу и Ж.Серрой, или имеющая давние традиции Демократическая трабалистская партия во главе с Л. Бризой.

Неизвестен в политической палитре Бразилии был буквально до 1989 г. и сам Коллор. Его стремительное восхождение к вершине президентской власти как малоизвестного прежде политика было в значительной степени основано на апелляции к бедственному положению обездоленных бразильцев, умелом использовании таких черт их массового сознания, как упование на всемогущие харизматического лидера, ожидание быстрых изменений к лучшему, даруемых верховным правителем, стремление «одним ударом» остановить углубление социально-экономического кризиса. Войдя в гущу политической борьбы за президентский пост, он наряду с популистской программой «приоритета бедных» за счет «богатых» опробовал беспроигрышный шар, который во многом обеспечил ему будущую победу: заявил о необходимости «нового лидера», не связанного с прежним «коррупцированным и некомпетентным» политическим истеблишментом и способного в силу этого быстро решить накопившиеся за десятилетия проблемы. Вступив в политику в начале 1989 г., Коллор – «выходец из провинциальной элиты, ведомый авантюристическим духом» [37], – закончил год избранным президентом громадной страны – крупнейшего государства на континенте.

Коллор начал свой путь к вершине государственной пирамиды, будучи «политическим аутсайдером». Сам этот термин, как нельзя лучше выветив сущность бывшего президента Бразилии как «нового политика», весьма многозначен. Будучи использован в спортивной терминологии, термин «аутсайдер» предполагает существование – на противоположном «фланге» – некоего «фаворита»; однако в политическом дискурсе понятие «аутсайдер» наполняется иным содержанием. С одной стороны, лидер-«аутсайдер» выступает независимо от крупных политических партий, с другой же – он являет собой «сюрприз» как с точки зрения собственного политического облика, так и в плане своей (никем не ожидавшейся и никем не предсказанной) победы на выборах (и в этом смысле он сам [так сказать, «сам себе»] может стать «фаворитом»). «Аутсайдер» разоблачает местные власти и уже этим нарушает сложившееся политическое равновесие, привносит «разлом», «разрыв», «переворот» в политическую жизнь, даже не пытаясь обеспечить себе поддержку со стороны традиционных политических и государственных институтов, партий. Противопоставляя себя «инсайдерам» – известным, укоренившимся политическим фигурам, он ведет собственную игру, выбирая в качестве политических и электоральных «площадок» экономику, медийное, синдикалистское или религиозное пространства. Коллор воплотил в себе все эти черты, высшим выражением чего явилась его неожиданная победа на выборах. Приход «аутайдера» к власти зиждется на «двойных ожиданиях»: как на ожиданиях обновления и даже полной смены политического лидерства (ведь «аутсайдер» – это «новый политик»), так и на стремлении к явственным изменениям в политическом курсе (ведь предвыборная программа «аутайдера» была полна обещаний *перемен*). Вместе с тем весьма интересно, что Коллор, провозгласив «радикальный разрыв» с прошлой политикой («то, что мы предполагаем сделать, – это разрыв, это революция», «мы ликвидируем инфляцию одним ударом»), на президентском посту не принес *подлинных* политических перемен – ни в предложенном им политическом курсе (поскольку этот курс на деле отражал его связь с интересами весьма значимых экономических элит), ни в «кадровом составе» своей команды. Таким образом, получается, что Коллор, будучи «аутсайдером» на пути к власти, овладев ею, ...перестал быть таковым; ему оставалось лишь эксплуатировать свой предвыборный имидж, созданный медиа-магнатами в ходе «мастерски оркестрированной стратегии политического маркетинга» [38, р. 11–13, 19–21].

«В хаотический, переходный период», когда «социальная система отличается разбалан-

сированностью», возрастает роль харизматических лидеров и имеет место «возрождение “мифа о спасителе”» [39]. Для бразильской культурологической и духовной традиции очень характерны глубокие историко-культурные корни веры в харизматического героя-спасителя, обладающего сверхчеловеческими свойствами, стремящегося выполнить возложенную на него свыше миссию избавления народа от нищеты, угнетения и бедности; роль спасителя и примерил на себя Коллор. Так же «миф о спасителе всецело соответствует социально-политической и психологической картине российской действительности», особенно когда «в недрах хаоса постепенно кристаллизуется новый порядок» [40, с. 138–139].

Массовая вера в героя-«спасителя нации», ожидание от него «чуда» с особой силой проявились на таком крутом изломе российской истории, каким явились президентские выборы 12 июня 1991 г. Патерналистская психология, надежда на «доброе царя», апелляция к «первому лицу» – все эти параметры массового сознания, ставшие продуктом отсутствия либо недейственности демократических, правовых норм в российской исторической традиции, сыграли свою роль в перипетиях политической борьбы и более того – приобрели в новом историко-психологическом контексте новые импульсы. (Кстати сказать, ставка на харизматического лидера несколько не противоречила такому российскому феномену начала 1990-х гг. (и даже сочеталась с ним), как социальная апатия у одной части населения и нетерпимость и нетерпение, стремление к ниспровержению всего и вся, склонность к ультрарадикализму в разных формах – у другой). Извечное упование на «чудо» было связано и с такой особенностью российского массового сознания, как стремление полагаться не на собственные силы, а (опять же) на мудрого правителя, на прошедшего через все стадии отечественной истории «барина», который «приедет» и «рассудит» («неугасимая и почти материализованная в сознании вера в спасительность и защиту со стороны мудрого правителя-лидера» [40, с. 138–139]). Данные социологических опросов в июне 1991 г. свидетельствовали, что избиратели голосовали не столько за программы кандидатов, сколько прежде всего за личность претендента, и победитель в той борьбе, ставший первым президентом России, явился в глазах избравших его и символом ожиданий и веры в возможность «иного развития», и «спасителем», «мессией», призванным подвести черту под прошлым и возглавить движение в новую жизнь. Более того, тогда же проявился и такой феномен: подобного рода лидер провозглашает себя «президентом всего народа» («президент всех россиян», «президент всех бразильцев»), апеллирует к прямой связи с народом; имидж «всемирно избранного президента» был как бы призван олицетворять собой (в российском случае) и партию, и государство, и все политические институты неструктурированного общества. Но здесь имела место и «оборотная сторона медали»: на примере Коллора видно, что оторванность лидера от политической базы в виде влиятельных партий и социальных движений могла повлечь за собой и его изоляцию от общества.

Таким образом, слом традиционных социально-психологических установок, изменение устоявшейся конфигурации социальных отношений, крах прежних устоев жизни, возникновение абсолютно новых, не известных и не привычных широким слоям взглядов, моделей поведения, ценностных ориентаций, образа жизни, представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо», – все это вызвало к жизни появление в поставторитарных обществах такой вариации политического лидерства переходной эпохи, как «новые политики» с сильной популистской окраской. Эти «новые лидеры» вышли на политическую арену на волне грандиозных общественных ожиданий, когда в обществе имели место импульсы немедленного решения острейших, накопившихся подчас за десятилетия, экономических, социальных и политических проблем, и давали обещания, якобы способные уже «завтра» принести экономические и политические «плоды». Налицо были все атрибуты «популизма в действии». Напомним, основная идея классического бразильского популиста Ф. Коллора – это было стремление внедрить в массовое сознание мысль о том, что стране необходима «новая политическая фигура», не принадлежащая к традиционным политическим партиям, не связанная с прежним истеблишментом, погрязшим в некомпетентности, коррупции и клиентелизме и в силу этого неспособным решать неотложные общественные проблемы. Вот каковы были его предвыборные призывы и заявления: «Прежние правители грабили народ... Их некомпетентное правление завело страну в тупик, они коррумпированы, связаны множеством нитей со старыми структурами... Это они привели страну в состояние кризиса.

Я же, новый человек, способен принести вам обновление»; «Став президентом, я приму меры против инфляции и коррупции, буду проводить социальную политику, направленную на кардинальное улучшение положения народа»; «Я – такой же, как вы. Я знаю заботы домохозяйки, предпринимателя, студента...».

В точности, как представляется, вписывается в эту схему так называемый «феномен Жириновского», возникший в ходе электоральной кампании по выборам первого президента России в июне 1991 г. и ставший предметом исследований социологов, вошедший в политологические монографии и учебники в качестве хрестоматийного примера четко продуманного популистского проекта. Переключки с бразильскими реалиями здесь самая прямая. Высказывания В. Жириновского того периода (почти дословно повторявшие призывы неведомого ему Коллора) как нельзя лучше иллюстрировали уже известную истину о том, что в кризисных ситуациях, атрибуты которых описаны выше, политическое поведение «нового лидера» превращается в некую «общую закономерность» переходного периода. В своих предвыборных телеинтервью В. Жириновский, ставший действительно новым политическим персонажем тогдашней России, говорил: «В то время как все остальные претенденты – представители старой команды, и вам нечего от них ждать, так как они израсходовали свой потенциал, я – новый, свежий человек с новыми идеями. Я не связан со старыми структурами власти, не коррумпирован ими, я не несу ответственности за ошибки, совершенные в предыдущие годы. Вы уже видели результаты правления тех, кто сегодня баллотируется на пост президента. Имея самые неограниченные полномочия, они не только не использовали их, но завели страну в тупик. Я же дам новые идеи, новую концепцию государственного устройства, буду проводить новую внутреннюю и новую внешнюю политику». Сильным козырем, использованным Жириновским, была апелляция к тому, что он «такой же, как все»: «Я – такой же, как вы, из средних слоев. 200 руб. зарплата, двухкомнатная квартира. Я – ваш кандидат» [41]. И далеко не случаен и не удивителен, при всей своей внешней сенсационности, тогдашний успех Жириновского – 6 млн голосов и третье место после двух основных, хорошо известных электорату и занимавших высокое место в политической иерархии соперников. «Никогда еще в истории Европы и Америки никому не известный политик не набирал за 20 дней 6 млн голосов» – так прокомментировал сам претендент итоги выборов [42]. «Жириновский точно создал свой имидж: неожиданно возникший, никому ранее не известный, ничем не запятанный» – писали о нем комментаторы [43]. За концепцией Жириновского стояла позиция самых разнородных и вместе с тем достаточно репрезентативных социальных слоев и групп общества, для каждой из которых он находил привлекательную и понятную цель: бедным и убогим он обещал «потрясти богатых», богатым – безопасную жизнь, рабочим – защиту от «жиреющей буржуазии», предпринимателям – возможности и условия для ведения бизнеса, военным – возвращение чести и достоинства армии, голодным – хлеб, пенсионерам – спокойную старость [44].

Дело здесь, конечно, – не в чрезвычайной схожести политического дискурса (хотя и это само по себе – поразительный феномен; вместе с тем понятно, что аналогии, проведенные лишь на основании совпадения фразеологии, не могут быть всеобъемлющими), сколько в схожести исторических и социально-психологических ситуаций, как раз и породивших столь совпадавшие лозунги и политические установки.

Вместе с тем опыт России показал и иную ипостась феномена «нового политика»-популиста (и здесь опять присутствует переключки с бразильским случаем – «феномен Коллора»): воплощая в себе саму идею переходности, подобного рода «новый политик» начала/первой половины 1990-х гг., придя к власти демократическим путем, нес в себе и задатки авторитарности, волюнтаризма, неумения искать и находить общественный консенсус («феномен Ельцина»). Этот феномен, весьма характерный для Латинской Америки и хорошо изученный в латиноамериканской политологии, – популизм, оборотной стороной которого является так называемый «новый авторитаризм». Возникая на волне недоверия к представительным государственным институтам, критики бюрократии, коррупции, внедряя в массы веру в возможность быстрого и простого решения сложных социальных проблем, популизм выступает против партий и любых прежних политических институтов; в этом своем обличье популизм (особенно правого толка) опирается на старые, во многом авторитарные, патерналистские

предрассудки широких слоев электората; в силу этого популизм может не только инициировать демократизацию, включение масс в политический процесс, но и открыть дорогу так называемому «новому авторитаризму». Данный феномен — «популизм versus авторитаризм» — в России периода демократического транзита имел дополнительную специфику, связанную с историческими особенностями страны. Хотя российская история знала все известные современной политологии типы политических лидеров: демократический (вечевой), аристократический (династический), авторитарный, — именно последний — в силу общей совокупности исторических условий, мобилизационного типа развития и т. д. — стал доминирующим [40, с. 12–13].

С авторитарным типом популистского лидера был связан и высветенный бразильским опытом «шоковой терапии» и проявившийся в России парадокс — *авторитарный стиль* проведения неолиберальных, рыночных, а следовательно, ориентированных в том числе и на политическую демократию реформ. Для политики Коллора был весьма характерен ярко выраженный авторитарный стиль. Видя, что реформы наталкиваются на трудности и дают эффект, подчас прямо противоположный задуманному, власти стали все больше прибегать к мерам государственного, «командно-административного» регулирования экономики: ведь меры по обеспечению резкого ухода государства из экономики были в то же время примерами сильнейшего вмешательства со стороны того же государства. Также авторитарный стиль Коллора проявился в нежелании сотрудничать с парламентом.

Для российской реальности подобный стиль был логичным продолжением вполне традиционного для отечественной истории «административного способа осуществления политических и экономических реформ» в условиях полной подчиненности социальных групп и слоев «патерналистской вертикали государственной власти», когда власть «методами администрирования в значительной мере сама формировала общественные отношения и социальные группы, которые возникали не как артикуляция проявившихся социально-экономических интересов, а как бюрократическое творение» [18, с. 36; 45]. Поскольку подход новой (начала 1990-х гг.) власти к реформам, прежде всего в силу ее «генетической связи со старым номенклатурным правящим классом», остался «традиционным аппаратным администрированием», отсюда и традиционный для России путь осуществления реформ — «волевым порядком» [18, с. 37]. «Авторитарные наклонности самого президента Ельцина ... проявились в директивном и волюнтаристском стиле властвования» [18, с. 41]. В начале 1990-х гг. российская пресса много писала о вере тогдашнего российского правительства в большую эффективность «административного контроля за экономикой» по сравнению с более сложной задачей усиления конкуренции и частной инициативы, а также о достаточно популярных взглядах некоторых политиков того времени по поводу необходимости формирования «административной системы особого переходного периода для демонтажа государственной экономики и перехода к рынку» [46; 47].

Подчеркнем еще раз: эти и другие факторы поставторитарной демократизации, демонстрируемые опытом Бразилии и нашедшие свое подтверждение в России, характерны именно для начального, стартового периода политической модернизации.

* * *

В начале переходного периода вышли на первый план и особенности политической культуры. Особо выпукло проявились такие черты политической культуры и Бразилии, и России, как традиционализм, архаизм, консерватизм, патримониализм, клиентелизм [48], рассмотренные выше надежда на всесильное и всемогущее «государство-Левиафан», персонификация власти и личностных качеств лидера. Подобно тому как в Бразилии на политическую культуру оказали влияние черты, исходившие от имперской и рабовладельческой традиций, так и в России на складывание политического менталитета, особенно на формирование системы ценностей, типа работника и гражданина оказали воздействие такие традиционалистские черты, идущие из глубин ее истории, как общинное, коллективистское сознание, ядром которого является стремление к эгалитаризму, всеобщей уравнительности (так называемые настроения «уровнительной бедности»), недоверие к богатству и даже просто к высокому уровню жизни. В исторической литературе отмечается присутствие в российском политическом менталитете черт давно минувших веков (имея в виду их прочное

укоренение и живучесть), отзвуки эпохи крепостничества с его психологией — «культом несвободы», преданностью «хозяину», отсутствием привычки к самостоятельному определению своей судьбы. Это весьма созвучно с бразильским case study: в Бразилии после ликвидации рабства, произошедшей по историческим меркам относительно недавно — всего 127 лет назад, не было создано условий для социальной интеграции бывших рабов в гражданское общество, а стереотипы рабской психологии еще долго имели место, особенно в среде низших слоев общества, и оказали немалое воздействие на складывание национального характера.

Особенности российского массового сознания, сформировавшиеся в течение столетий, не могли не отразиться и на современном «состоянии умов». Когда в начале 1990-х гг., в момент «вступления в рынок», оказались востребованы такие качества, как инициативность, предприимчивость, способность к риску, мобильность, деловые навыки, активность, многочисленные социологические обследования населения России фиксировали прочность таких черт менталитета, как боязнь (даже у молодежи) состояния свободного выбора, предпочтение безработными получать мизерное пособие, но не прилагать усилий к поиску достойной работы, терпение (доходящее до нежелания изменить негативные тенденции собственной жизни), инертность, безразличие, социальная апатия и аполитичность, несмотря на отмечавшееся опросами недовольство «всеми и вся» [49; 50]. Подобные черты не могли не оказать воздействия на соответствующий тип работника, который квалифицировался социологами как «государственно-зависимый», ценивший «гарантированность» выше, чем успех; государство для него — благодетель и защитник, минимизирующий риски и гарантирующий стабильность зарплаты и обеспечение работой [51, с. 66–67, 70].

* * *

На начальном этапе демократического транзита сложные, непривычные перипетии переходного периода (а в России — еще и не известные обществу парадоксы рыночных преобразований) породили в Бразилии, а позже и в России т.н. феномен «утраченных иллюзий». Пессимизм бразильских политологов в оценке результатов демократического процесса имел под собой реальные основы: демократический режим, пришедший на смену режиму военному, демонстрировал неспособность преодолеть социальный кризис и порождал — в условиях отсутствия национальной консолидации — новый (политический) кризис. Провал стабилизационных планов, некомпетентность, безответственность, коррупция захлестнули общество. Вместо мобилизации масс имели место усиление правящих элит и рост социальной дифференциации. После ухода диктатуры сплоченные ранее демократические силы оказались раздробленными, не сумев создать базу для нового режима. Крушение иллюзий относительно способности демократического режима к быстрому обновлению экономических, социальных, политических структур, осознание ограниченности результатов тех преобразований, которые свершались под лозунгами демократии в начале 1990-х гг., — таковы итоги, которые подводили бразильские интеллектуалы. Конечно, они были далеки от идеализации ушедшей в прошлое эпохи правления военных, но и настоящее, приходу которого они отдали годы борьбы, не оказалось тем долгожданным свободным, справедливым демократическим обществом, о котором они мечтали*.

Подобно тому, как это было в Бразилии, в России первыми растерянность и безысходность ощутили сами демократы: уже в конце 1991–1993 гг. «значительная часть демократического движения оказалась не у дел, в позиции разочарованных и все более критических наблюдателей» [18, с. 40]. Еще более серьезные процессы имели место в общественном восприятии

* Вместе с тем опыт Бразилии показал, что, подобно тому как отказ от «шоковой терапии» сам по себе не означает отказа от реформ, так и феномен «утраченных иллюзий» не свидетельствует, что носители этих взглядов выступали против преобразований. Он означает лишь, что в условиях переходного периода общество, отойдя от первоначальной эйфории, осознало, что ни «большой скачок», ни «великие потрясения» не могут в одночасье изменить страну, что факторы «наибольшего благоприствования», устойчивые позитивные сдвиги могут возникнуть лишь в ходе последовательной стратегии эффективного развития и модернизации, при достижении общенационального консенсуса. Тем самым опыт Бразилии продемонстрировал, что вступление поставоритарных режимов на путь радикальных реформ означает начало длительного периода, рождающего и новые дилеммы развития, и новые его приоритеты.

новых реалий. Политологи и социологи констатировали, что если в странах Восточной Европы на смену первоначальному энтузиазму пришел реализм, то в России имел место явный поворот массового сознания от надежд и иллюзий периода «очарования революцией» к чувствам разочарования. Данные опросов свидетельствовали: в 1993 г. 66 % опрошенных признавали, что избранный тогдашними российскими правителями вариант вхождения в рыночную экономику лично для них оказался неудачным [52]. По словам газеты «Таймс», российские приверженцы метода «шоковой терапии» «слишком высоко подняли ложные надежды: они недооценили фактор времени, которое потребуется на переходный период в странах, не прошедших через стадию капитализма, а также глубину экономического спада, возникающего в результате такого перехода... Когда радикалы взяли власть в свои руки, они забыли предупредить население, что капиталистический эксперимент начнется с депрессии типа той, что была в США в 1930-е гг., и будет сопровождаться инфляцией наподобие той, которая имела место в Германии в 1920-е гг.» [53].

«Шоковая терапия» «по-российски» была, по существу, тем же вариантом политики «большого скачка», который продемонстрировал ее бразильский «аналог». Эта политика проявилась в стремлении *быстро* решить проблемы экономического отставания, преодолеть «барьер», отделяющий Россию от мира развитых государств, «в мгновение ока» заставить работать сложнейшие экономические механизмы, обеспечить быстрый экономический подъем и совершить, в соответствии с популярным в те времена лексиконом тогдашних правящих элит, так называемый «прорыв в семью цивилизованных государств». Реальность, однако, свидетельствовала об утопичности подобных планов, абсолютно оторванных от российских реалий — и исторических, уходящих своими корнями вглубь веков, и тех, которые непосредственно «сопровождали» тогдашние реформы.

Поэтому «утраченные иллюзии» в их российском варианте коснулись не только перспектив развития страны: их крушение означало и разочарование в самих понятиях «демократия» и «рынок». И дело здесь далеко не только в ставших уже классическими объяснениях, что Россия не имела опыта длительного развития в условиях демократии, гражданского общества, рыночной экономики, хотя и это, безусловно, имело немалое значение. Все это было связано еще и с тем, что и рынок, и демократия были «внедрены» в России в искаженном, даже уродливом виде, когда рынок стал означать — и в реальности, и в сознании людей — не рост эффективности и подъем экономики, а ее развал; не процветание и повышение благосостояния населения, основанные на честной, «обставленной» законами и правовыми нормами конкуренции, а обнищание большинства; образование, как в Бразилии, двух социальных полюсов с разделявшей их огромной пропастью; лозунги социальной справедливости сменились демонстративной роскошью нуворишей и верхушки бюрократии на фоне нараставшего отката в зону бедности значительных социальных слоев, возникновения безработицы и процессов маргинализации населения, в том числе тогдашнего «среднего класса». Помимо этого, в России получил распространение абсолютно не свойственный другим странам — и не характерный для настоящей рыночной экономики — особый «феномен бедности»: процессы обнищания не безработных, неграмотных, неквалифицированных людей или так называемых деклассированных элементов, а такое явление, когда в категорию «бедных» попадали люди с высокой профессиональной квалификацией и образованием, либо имевшие работу, но не получавшие месяцами зарплаты, или вынужденные довольствоваться мизерным вознаграждением. Рынок ассоциировался также с такой формой проведения приватизации, которая означала присвоение небольшой группой людей собственности, принадлежавшей всему обществу; он не только стал *символом* бедности, криминала, коррупции, но и *сам* приобрел бюрократический, коррумпированный характер. Демократия же в том виде, в котором она начала «прививаться» в России (при всей неприменимости этого термина к подлинной демократии) стала олицетворять не свободу выбора, торжество закона, плюрализм и соревнование идей и мнений, а хаос, беспорядок, вседозволенность, социальную дезорганизацию, потерю управляемости, опасное ослабление государства и его властной вертикали, способное привести к дезинтеграции и развалу страны. Естественно, что *такой* рынок и *такая* демократия не могли породить в массовом сознании ничего иного, кроме неприятия*.

* Повторим вновь: данные соображения, сформулированные на основе анализа феноменов российского массового сознания начала 1990-х гг., отнюдь не призваны доказать некую «генетическую неспо-

* * *

Так российские и бразильские реалии, рассмотренные в контексте компаративного анализа, добавляют новое знание в осмысление процессов радикальных общественных трансформаций и придают новую оптику исследованию важных параметров самого понятия «переходная эпоха», ее метаморфоз и парадоксов.

* * *

Перейдем теперь к той реперной точке, которая послужила отправным пунктом *различий* в траекториях развития.

Если на старте реформ проявился ряд общих черт, которые, выявившись вначале в Бразилии, нашли свое проявление в дальнейшем и в России, и в странах Восточной Европы (характер политического лидерства, роль и облик политических партий, природа популизма в переходных обществах, характер массового сознания, позиция элит в процессах слома одного политического режима и становления новой политической «системы координат»), то начиная с 2000-х гг. развитие в обоих обществах пошло по разным и все более «расходившимся» колеям. «Расходящиеся пути развития» — такое определение в отношении эволюции Бразилии и России как нельзя лучше характеризует эту политическую развилку.

Бразилия одновременно с модернизационным рывком в немалой степени продвинулась и по пути политической трансформации. После 1985 г., времени начала демократического транзита, в стране последовала череда президентских и парламентских (не говоря уже о местных) выборов, которые, проходя в обстановке напряженной политической борьбы, столкновения альтернативных проектов будущего развития, были отмечены остро конкурентным характером. Старт демократизации стал практически однозначно положительным в его политическом измерении (восстановление многопартийности, системы демократических выборов, принятие демократической конституции 1988 г., провозгласившей основополагающие политические права и свободы и вернувшей Бразилию в семью демократических государств), хотя, как об этом говорилось выше, не все столь бесспорно было в социально-экономической области.

Электоральные кампании стали временем «оттачивания» демократических принципов. Острейшая политическая борьба, столкновение лозунгов и программ способствовали проявлению такой черты политического лидерства, как выдвижение политиков, олицетворявших собой требуемый обществом социальный проект. Свою роль сыграла и характерная для политической жизни Бразилии высокая степень социальной мобильности, «выталкивающая» на острие политического противоборства именно тех деятелей, которые востребованы «в данное время и в данном месте». Важную роль играло и концептуальное осмысление демократии: все более прочные позиции завоевывали взгляды, согласно которым процесс консолидации демократии при всей важности таких его элементов, как демократическая конституция, разделение властей, свободные выборы, все же неизмеримо шире формальных признаков демократии и обязательно включает в себя успешное решение социальных проблем, укрепление социальной базы реформ. При этом особое значение, учитывая длительный характер процесса демократизации, приобретали такие преобразования в политической сфере, как совершенствование политической системы и партийной структуры, повышение эффективности взаимодействия ветвей власти, более глубокое развитие гражданского общества и общественного самоуправления, более активное использование различных форм прямого участия, иными словами, массовая политическая мобилизация и создание широкой социальной базы демократического режима. И хотя в повседневной жизни бразильцы справедливо высказывают недовольство своей политической системой, указывая на ее недо-

способность» России воспринимать демократические веяния. Напротив, реалии более позднего периода доказывают, что универсальные ценности демократии отнюдь не чужды России (но они прививаются на ее почве не «вне времени и пространства», а в соответствии с национальной культурно-цивилизационной традицией). Что же касается характера восприятия демократии и рынка российским «массовым обществом» (если использовать терминологию Ф.Э. Кардосу), то речь идет именно о тех особенностях «внедрения» демократической модели в конкретных условиях России начала 1990-х гг., которые и предопределили неприятие демократии широкими слоями населения — неприятие, во многом обусловленное ее неадекватным «воплощением в жизнь» тогдашними отечественными реформаторами.

статки, несовершенства, оторванность от реальных нужд населения, «обслуживание политического класса» и т.д., Бразилия превратилась, по единодушному признанию зарубежных исследователей, в крупную современную демократию.

Что из черт «бразильского опыта» мы видим в России? (Естественно, речь не идет и не может идти о каком-то надуманном «пересаживании» чужого опыта на нашу почву, да это и невозможно: национальная специфика каждой страны порождает уникальные, характерные только для данного социума условия. И вместе с тем, особенно если принять во внимание типологическую сопоставимость некоторых параметров развития наших стран, весьма интересно проследить, почему и в какой момент определяющими стали не параллели, а возобладали «расходящиеся пути развития»; в какой момент развитие двух стран стало принципиально несопоставимым).

Как подчеркивалось выше, в России методы, формы, содержание реформ, объективно назревших к рубежу 1980-х – 1990-х гг., были таковы, что, породив т.н. «дикий капитализм», привели к разочарованию большинства общества в самой идее демократии, с которой массовое сознание связывало весь негативный потенциал и результаты реформ, принесших выгоды для узкой категории индивидов, но отнюдь не для большинства общества, и породивших невиданную доселе (и не характерную для предыдущих 70 лет) социальную дезинтеграцию (напомним, что весь ход развития Бразилии после 1985 г. был ориентирован на поиски путей сокращения социального разрыва, а не его роста). При этом неудивительно, что в 1990-е гг. сам концепт «демократии» в российском политическом лексиконе стал синонимом хаоса и беспорядка, которые, в свою очередь, породили социальную апатию, отказ от самой идеи перемен (отождествлявшихся и ассоциировавшихся, как и демократия, лишь с негативными явлениями), отсутствие самого запроса на демократию.

Подобный «бэкграунд» предопределил характер кратковременных протестных выступлений, имевших место после думских выборов 2011 г. и президентских выборов 2012 г. Протестные настроения и начавшееся обсуждение проблематики реформирования политической системы страны, казалось бы, свидетельствовали о пробуждении гражданского общества в России. Вместе с тем – парадоксальным (а возможно, и логичным) образом – они показали, что если Бразилия далеко ушла по пути демократии, то Россия как бы возвращается к отправному пункту начала 1990-х гг., к своего рода «повторению пройденного», а фактически – начинает «с нуля». В первой половине 2012 г. на страницах печатных СМИ и на телевидении шли споры о понимании демократии, о нужности/ненужности института выборности губернаторов, о партиях и самой архитектуре партийно-политической системы – дебаты, давно отшумевшие в Бразилии и уступившие дорогу осмыслению новых реалий и феноменов.

Весьма различно в обеих странах и концептуальное наполнение ряда важнейших понятий (приобретших свое значение именно в рассматриваемый период). «Стабильность», понимаемая в Бразилии как необходимое условие для поступательного движения вперед, трактуется протестной частью российского политического спектра лишь как «стагнация» и «застой»; концепция демократии, в ее бразильском варианте неразрывно связанная с социальным наполнением, в России еще так до конца и не осмыслена. Модернизация, понимаемая в Бразилии как всесторонняя и взаимоувязанная экономическая/социальная/политическая модернизация*, в России зачастую трактуется как сугубо технологический процесс, связанный с техническим перевооружением предприятий (безусловно, крайне необходимым для России, но далеко недостаточным в плане общей стратегии развития). Абсолютно разным является в обеих странах понимание национального консенсуса (эта разность связана с несопоставимыми в обоих случаях параметрами политической культуры и национального характера): если в Бразилии стремление к консенсусу является необходимой составляющей самого политического процесса (особенно это проявилось в годы президентства Кардозу, да и сам Лула был во многом компромиссной фигурой), проистекает от важной бразильской истори-

* А теперь эти вопросы звучат в Бразилии по-другому: уже не говорят об «обычной» экономической, социальной и политической модернизации, как 20–25 лет назад, а понимают под модернизацией прежде всего устойчивое развитие, способное обеспечить функционирование информационного общества и экологическое равновесие при обязательном условии искоренения бедности как основы дальнейшего поступательного развития; при этом вопросы демократии и политической системы обсуждаются не сами по себе, а применительно к тому, в какой мере они способны обеспечить решение вышеупомянутых задач.

ческой традиции «нерадикального разрыва с прошлым», то в России на всех этапах развития за последние 25 лет наблюдаются такие черты, как конфликтный характер отношений ветвей власти (период Ельцина), отношений власти и общества, властных структур «внутри себя самих», внутрипартийной борьбы и соперничества партий друг с другом и т.п. На уровне общественного мнения, СМИ можно наблюдать резкое неприятие противоположных или просто иных точек зрения (что характерно и для власти, и для оппозиции), действия по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Выразительным примером диаметрально разной трактовки является и понятие «оппозиция». В Бразилии оппозиционные партии являются неотъемлемой частью политического процесса, о чем в очередной раз свидетельствовали как события весны — лета 2013 г., так и президентские выборы 2014 г. Начавшись с протестов по поводу огромных затрат на строительство спортивных сооружений накануне проведения Кубка конфедераций и в преддверии чемпионата мира по футболу 2014 г., с недовольства высокими тарифами в общественном транспорте, массовые движения предъявили целый спектр требований по улучшению систем здравоохранения, образования, по повышению качества жизни, проведению политической реформы, активизации борьбы с коррупцией и многим другим направлениям социально-экономических и политических процессов. По заключению видных представителей политического класса Бразилии, протестное движение — то, которое реально ставило перед властями вопросы улучшения качества реформ, а не то, которое демонстрировало силовой, «погромный» подход (последнее присутствовало в неизмеримо малой степени, лишь в форме отдельных «казусов», и ни в коей мере не определяло собой суть и характер движения в целом), — явилось «необычайно крупным продвижением вперед на политическом поле», которое заставило правящие элиты «услышать голос улиц». Более того, данный феномен рассматривался как «плацдарм для начала в Бразилии нового демократического цикла». Ведь и сама демократия не является застывшей и неизменной, она эволюционирует, и массовые выступления были расценены не как «дестабилизация режима», а как его «вентиляция», как его «проветривание посредством демократии», необходимые для его консолидации и лучшего функционирования. В результате действий властей режим доказал, что он способен решать возникающие проблемы [54, с. 292–293; 55, с. 4–19; 56, с. 95–106].

В России же, во-первых, оппозиция демонстрирует отсутствие партийной структуры и продуманной стратегии, незнание запросов населения, особенно в «глубинке», оторванность от реальной повестки жизни регионов; а во-вторых — и само общество традиционно отторгает протестный тренд: массовым сознанием оппозиция неизменно воспринимается как однозначно враждебная интересам общества и государства и воплощающая в себе «предательство национальных интересов» [57].

Эти внешние, на первый взгляд, различия трактовок на деле свидетельствуют о более глубоких моментах, а именно: о разных траекториях развития, по которым за последние четверть века пошли обе страны, и о сформировавшейся в силу этого весьма различной социальной, политической и интеллектуальной «почве», из которой «произрастают» и на которой сформировались несопоставимые политические культуры и социальные менталитеты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Бразилия: реформы и прогресс (структурные преобразования переходного периода в государствах-гигантах: опыт Бразилии и возможности его использования в России) / Отв. ред. А.Н. Глинкин. — М., 1997.
2. Мартынов Б.Ф. Бразильцы и россияне: что нас объединяет? // Латинская Америка. 2006. № 10.
3. Мельвил А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2.
4. См.: Круглый стол «Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке?» // Латинская Америка. 1979. № 1.
5. Reis Velloso J.P. dos. Modernização política e desenvolvimento: primeira aproximação // Modernização política e desenvolvimento. — Rio de Janeiro, 1990.
6. Плимак Е., Пантин И. От смуты до смуты // Октябрь. 1993. № 1.
7. Стариков Е. От Ивана до Петра // Знамя. 1992. № 5.

8. *Рашковский Е.Б.* Россия и третий мир: культурно-исторические предпосылки сотрудничества // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 8.
9. *Хорос В.Г.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 8;
10. *Сосновский А.А.* Синдром развивающегося общества: Бразилия и Россия // *Полис.* 1991. № 5.
11. *Красильщиков В.А.* Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии.* 1993. № 7.
12. *Красильщиков В.А.* Развитие России и Латинской Америки: факторы сходства и различия // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 4.
13. См.: *Круглый стол «Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте» // Латинская Америка.* 1990. № 3.
14. См.: *Автономов А.С.* Конституционное регулирование политической системы Бразилии. – М., 1991.
15. *Abranches S.* O dilema político-institucional brasileiro // *Modernização política e desenvolvimento.* – Rio de Janeiro, 1990.
16. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. – М., 2000.
17. *Известия,* 21.07.1992.
18. *Мельвил А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Вып. 1. – М., 1999.
19. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. – М., 2006.
20. *Trindade H.* The Background of Democracy: State Building in Brazil and Argentina // *The Paradoxes of Democracy. / G. Hermet, H. Trindade (dir.).* – New Delhi, 1988.
21. *Варгас Льоса А.* Популизм возвращается? // *Россия в глобальной политике.* 2006. № 2.
22. *Samargo A.* As duas faces de Janus: os paradoxos da modernidade incompleta // *A crise brasileira e a modernização da sociedade.* – Rio de Janeiro, 1990.
23. См.: *Независимая газета.* 14.02.1992.
24. *Абалкин Л.И.* К цели через кризис. Спустя год... – М., 1993; *Абалкин Л.И.* На перепутье. – М., 1993.
25. *Турен А.* Процесс демократизации в восточноевропейских странах // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 11.
26. *Moraes Ferreira M. de.* Getúlio Vargas – uma memória em disputa. // *Entre historias y memorias. Los desafíos metodológicos del legado reciente de América Latina. / M.R. Stabili (coord.).* – Madrid, 2007.
27. В российской историографии и политологии 1990-х гг. сформировалось несколько теоретических позиций по поводу «советского социализма»: «контрреформа», прервавшая процветание и поступательное развитие 1861–1917 гг.; вариант азиатского способа производства; разновидность индустриального общества, решавшего те же задачи ускоренной модернизации, но облеченного в форму тоталитарного режима; особый, не имеющий никаких аналогов, тип социальной организации (см.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. – М., 1997).
28. *Дубовцев В.А., Розов Н.С.* Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // *Полис.* 2007. № 3.
29. *Лебедева М.М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // *Мегатренды мирового развития.* – М., 2001.
30. *Санчес Давид Р.* Демократия и кризис партий // *Латинская Америка.* 1995. № 2.
31. *Кауфман Р.* Латинская Америка: новые вызовы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 4.
32. *Nueva Sociedad.* Caracas, 1996, № 144.
33. Фухимори заявил так совсем не случайно: он пришел к власти в Перу на фоне и в результате полной разбалансированности политической системы, глубочайшего кризиса партий и воплотил в себе одну из характерных разновидностей авторитарного популистского политика, приверженца жестких методов управления (см., например: *Дабагян Э.С.* Генезис,

- динамика и уроки перуанского кризиса // Латинская Америка. 2001. № 1; *Ткаченко В.А.* Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия. — М., 2002).
34. Круглый стол «Итоги 20 лет российских трансформаций» // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2.
35. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — М., 2002.
36. *Коваль Б.И.* Бразилия вчера и сегодня. — М., 1975.
37. *Veja*, 30.09.1992.
38. *Goirand C.* *L'outsider*, figure introuvable? Partis et individualisation de la politique au Brésil // Problèmes d'Amérique latine. — Paris, hiver 2005–2006, № 59.
39. *Шимов Я.* «Миф о спасителе» и социальная эволюция. Почему мы так любим творить себе кумиров? // Международный исторический журнал. 2000. № 9 (цит. по: *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы. — М. 2006, С. 138).
40. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы. — М., 2006.
41. См.: Советская Россия, 06.06.1991.
42. См.: Советская Россия, 15.06.1991.
43. *Тодрес В.* Феномен Жириновского // Независимая газета. 15.06.1991.
44. *Андреев Н.* Жириновский ждет своего часа // Известия. 05.12.1991.
45. *Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. 1993. № 2.
46. Финансовая газета. 30.04.1993, 07.05.1993.
47. Российская газета. 17.02.1992.
48. О клиентелизме в российской политической культуре см.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М., 1997.
49. Аргументы и факты. 1993. № 14.
50. Известия. 02.04.1993, 13.04.1993.
51. *Заславский В.* Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис. 1991. № 5.
52. Известия. 10.02.1993, 17.03.1993.
53. The Times, London, 22.12.992.
54. *Окунева Л.С.* Метаморфозы социальной и политической модернизации в Бразилии // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Том I. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.
55. *Окунева Л.С.* Президентские выборы 2014 г. в Бразилии // Латинская Америка. 2015. № 1.
56. *Дабагян Э.С.* Бразилия: анатомия протестов // Свободная мысль. 2014. № 3.
57. Независимая газета. 09.09.2015, 16.09.2015, 17.09.2015.